

«Врач всю жизнь должен учиться...»

Борис Степанович Солдатов сдержан и немногословен. По всему видно, что он предпочитает не рассуждать, а действовать.

Биография хирурга Солдато-ва начиналась самым обычным образом для тех времён, когда в Советском Союзе всех и в каждой школе учили так, как во всём мире учили только элиту. Сам из рабоче-крестьянской семьи, в которой отродясь не было докторов, после школы — учился в Свободном — поступил рабочим на продовольственную базу Амурзолотопродснаба. И был Борис вполне доволен таким положением дел, пока однажды не разговорился

с Юрой Скурихиным. Юра, который окончил школу немного раньше, рассказал о своей учёбе в медицинском институте: к тому времени он уже второй курс окончил. Борис послушал, подумал, прикинул, что там и другие знакомые ребята учатся, и решил тоже стать доктором. Хотя после школы прошло уже два года и Борис, готовясь к вступительным экзаменам, просто, как говорит сам, «кое-что почитал», он поступил с первого раза. И сочинение на «пять» написал, хотя любимым предметом в школе была... математика. Преподавала её Людмила Александровна Путченко — лучших учителей мы запоминаем на всю жизнь.

Современные реформаторы образования считают, что астрономия не нужна, что физику и математику «можно выучить потом», а на русский язык достаточно двух часов в неделю. Борис Степанович с ним не согласен в корне, потому что...

— Когда готовишь отчёты — а я работал заведующим отделений областной больницы, онкологического диспансера — без основ ма-

тематики не обойтись. Без знания языка и литературы нормального отчёта не напишешь. А больше всего умение излагать мысли мне понадобилось при написании рецензий.

На рецензию в областную больницу передавали истории болезней, которые или заканчивались летальным исходом, или приводили к каким-то осложнениям. Сколько рецензий написал — Борис Степанович не считал, но за многие годы работы цифра получилась наверняка не меньше четырёхзначной.

— Это был и контроль своего рода, и учёба для врачей городских и районных больниц, — говорит Борис Степанович. — Врач всю жизнь должен учиться — и на чужом примере, и на своих ошибках. Без этого нельзя никак. Вот когда молодой врач заканчивает учиться и получает диплом, он, несмотря на шесть лет учёбы, не умеет почти ничего, потому что нет у него практики. Теоретические вопросы он выучил, а это только часть профессии...

Учёба в институте давалась на удивление легко, при этом Борис Степанович вспоминает, что расписание было вольное: и ходили на занятия, и, бывало, пропускали, но всё же старались.

— Когда мы были пацанами, нас Михаил Иванович Штыркин, был такой ассистент кафедры анатомии, больше всех гонял. Увидит, что дурачимся, сразу строго: «Давай, садись и занимайся!» Такой суровый был мужичок, для нас же старался, чтобы мы учились. На кафедре госпитальной хирургии преподавателем был Илья Исакович Кощер, он потом стал главным хирургом области. Мы с ним вместе работали в областной больнице многие годы. И я, и другие немало чему научились у Ильи Исаковича. Высококвалифицированный хирург, хороший товарищ, он держался с нами, как с коллегами, хотя мы только вчера дипломы получили. На нашей базе была кафедра госпитальной хирургии. Ею заведовал Герман Яковлевич Иоссет, ленинградец. Ещё были ассистенты Ольга Ефимовна Якимашко, хороший хирург, Антонина Григорьевна Пивоварова, она заведовала санавиацией, войну прошла. Мне повезло: очень много рядом со мной было замечательных хирургов, они щедро делились своими знаниями. Все работали с молодёжью: учили студентов, потом работали с ними в отделениях, никто не отталкивал...

А сам Борис Степанович после института попал по распределению в Октябрьский район, в село Екатеринославка, которое тогда называлось Кагановичи.

— Начинал, как все, с самого простого. Сначала тебе крючочки дадут подержать, потом доверят что-то простенькое сделать самостоятельно, рану зашить, например. Надо внимательно слушать и точно

выполнять, что скажет хирург. Главный врач районной больницы, где я начинал, был хирургом-фронтовиком, операционная сестра тоже войну прошла. У них такой огромный опыт был! Подсказывали, помогали, а я впитывал, как губка. Такого в учебниках не найдёшь.

Когда молодой хирург Солдатов попал на специализацию в областную больницу, он ходил на все операции, на какие мог попасть: хотелось больше знать, больше уметь, скорее начать оперировать самостоятельно. Эта жажда профессионального роста осталась у Бориса Степановича навсегда.

На просьбу вспомнить что-то особенное в бесконечном потоке операций, которые он провёл сам и вместе с коллегами, Борис Степанович надолго задумался — ведь каждая операция по-своему уникальна...

— Я работал уже в областной больнице, заведовал отделением хирургии. По санавиации сообщили, что в Свободном, в железнодорожной больнице, нужно посмотреть больного. Его прооперировали, но есть какие-то осложнения. Я полетел. Тогда же государству человек был важен, нужен, и если он заболел, то, где бы ни находился — хоть тайге, хоть в горах, — всегда имелась возможность максимально срочно добраться к больному и оказать ему помощь. И деньги на это были, и самолёты, и бензин. Однажды на паровозе до Тыгды ехал — так сподручней было. Другой раз в глухую тайгу, на речку Долбырь, на вертолёте прилетел, там работник метеостанции заболел, мы его в Зейскую больницу переправили. Добирались всюду. Не то, что сейчас: «Ты подъезжай до Натальино, а мы тебе из Свободного пациента туда подвезём, потому что бензина нет».

...В общем, прилетел я в Свободный. Хирурги железнодорожные говорят, что взяли пациента с аппендицитом, а там оказался инфильтрат, отверстие образовалось в толстой кишке, ну они и вывели её наружу. Смотрю больного, а это знакомый мой, мы вместе школу заканчивали. Случай непростой, я забрал его в область, мы его лечили, и он поправился. Через три месяца он приезжает — мы планировали закрыть рану, посмотрели, и нам не понравилось что-то возле этой ранки. Взяли кусочек на исследование, оказался рак. Мы его прооперировали, уже вывели всё не вперёд, как это сделали в железнодорожной больнице, а слева, как обычно делается. Он опять поправился. Месяца через три приезжает с болями в животе. В этот раз оказалось точно — аппендицит! А первый раз был рак, который приняли за аппендицит. Мы его снова на стол. Прооперировали, всё в порядке, опять отпустили. Через несколько месяцев снова из Свободного звонят: снова тот же пациент — и опять с непроходимостью. Смотрю,

плохо дело: лицо землистое, истощён — выживет, не выживет? Когда живот вскрыл, вздохнул с облегчением: там была всего лишь маленькая спаечка, она живот передавила. В общем, проходимость наладилась. Он ещё прожил нормально почти год, а потом его всё-таки рак доконал... Вот такой случай был: сколько раз мы этого пациента оперировали, и он, как Ванька-встанька, каждый раз поправлялся и поправлялся.

И ещё один пациент мне запомнился. Поступает больной с отёкшей ногой. Что случилось? На охоте верхнюю часть бедра прострелили. Я приглядываюсь: что-то знакомое в лице... Ты в онкологии не лежал? — спрашиваю. — В начале семидесятых я там заведовал отделением. Точно! Он тогда поступил с диафрагмальной грыжей: его ножом в грудь ударили, он выжил, а дырочка осталась, и туда желудок затянуло. А теперь вот на охоте подстрелили. Мы ему разъединили вену и артерию, приличная компенсация была, только отёк держался. Интересно было встретить человека спустя десять лет: то его резали, то в него стреляли...

Представитель какой-то другой профессии, в принципе, всегда может оставить работу незаконченной и вернуться к ней на другой день, через неделю или через месяц. А у хирургов такой возможности нет. Если начал оперировать, должен идти до конца, чего бы это ни стоило. Одна из самых продолжительных операций в длинной биографии хирурга Солдатова началась ранним вечером, а закончилась часов в шесть утра. Было это в Среднебелой, куда хирург приехал по срочному вызову. У пациента было тяжёлое огнестрельное ранение в живот. До областной больницы его бы не довезли, поэтому оперировать решили на месте, в перевязочной участковой больницы, под обычной лампой. В команде — анестезиолог, медсестра и хирург. Всю ночь у операционного стола. В другой раз в областной больнице, так же всю ночь напролёт, сменяя друг друга, оперировали Солдатов, главный хирург больницы и Антонина Григорьевна Пивоварова.

— Такой случай был сложный, — вспоминает Борис Степанович. — Цирроз печени, кровотечение, а туда, где кровоточит, добраться оказалось очень сложно. Всю ночь оперировали. Спасли. Это наша работа. Важно, чтобы вся команда работала быстро, чётко, слаженно. А о том, что время позднее, устал, не ел, в операционной забываешь. «Зайдёшь в живот» — и не знаешь, куда убежать из этого живота. Остановиться нельзя.

Сейчас, как отмечает Борис Степанович, условия работы намно-

го лучше. Вон сколько врачей дежурят. Трудно поверить, но в 1960-е годы на дежурство в областной больнице оставался только один хирург.

— Приёмный покой в старой областной больнице, — вспоминает Борис Степанович, — несколько комнаток, где можно посмотреть, помыть больного, и тут же был травмпункт, и в urgentный день всех сюда с любыми травмами везли. Иногда человек десять накапливалось. Раны, переломы, кого-то надо оперировать, кому-то только рану зашить. Кого надо срочно спасать, того первого и берёшь. Со всеми разбирались, успевали. Сейчас, конечно, оперировать научились лучше, аппаратура хорошая появилась, диагностика стала лучше, а всё равно причин многих болезней так и не знают. Отчего аппендицит тот же? Или рак. Или язва желудка. Человека и все его болезни до конца, наверное, никогда не удастся изучить... Но самое таинственное в человеке — это душа. Бывают такие души тёмные, что и не представишь. Он с тобой рядом был, ты его у сердца держал, как самого дорогого человека, а он, со своей тёмной душой, тебе гадит... Но больше всё же людей хороших, открытых, честных.

О том, что когда-то ушёл из рабочих в медицину, Борис Степанович ни разу не пожалел.

— Почему? Нормальная профессия. Самое главное, ты людям помогаешь, спасаешь их, на ноги ставишь.

Хирург Борис Степанович Солдатов отдал благородной профессии врача тридцать восемь лет.

Валентина Кобзарь

